

лось бы. Матап чувствуетъ, что она нравственно обязана дать мнѣ приданое не изъ однихъ тряпокъ, и вотъ поэтому, должно быть, плачетъ. Мнѣ и жаль ее, и въ то же время я просто возмущена“.

Она сердилась, но глаза ея были сухи. Она вообще рѣдко плакала. Варвара Тихоновна черезъ нѣкоторое время отыскала ее и сама подошла къ ней. Она поцѣловала падчерицу.

— Раиса, ты ведешь себя какъ будто ты мнѣ чужая... Отчего ты не захотѣла говорить со мною?

— Матап, о чемъ говорить? Я не понимаю вашихъ слезъ.

— Вѣришь ты мнѣ, что я тебя люблю?

Раиса сказала, потупивъ глаза:

— Вѣрю.

— Я тебѣ не родная мать—правда. Я мачиха. Но я заботилась о тебѣ, какъ именно и родная мать не заботится! Заболѣешь ты, бывало—сейчасъ же докторъ, я не сплю отъ тревоги, ухаживаю за тобой... Помнишь, какъ я вытирала тебѣ спиртомъ ноги? Ты ни въ чемъ не нуждалась и три года провела въ лучшемъ французскомъ пансіонѣ. Вѣдь я платила за тебя—шутка сказать—шестьсотъ рублей! Раиса, подумай хорошенько, что, не встрѣчая съ твоей стороны признательности, я могу же иногда придти въ грустное настроеніе... Не смотри такъ, Раиса, не сердись! Ты нашла себѣ друга, а я... Я вѣдь совершенно одинока... Не будемъ ссориться—намъ осталось немного жить вмѣстѣ. Будь умницей, пожалуйста.

— Я и не думаю ссориться. Я признательна вамъ за все. Вы сами завели этотъ несчастный разговоръ о приданомъ.

— Ну, будетъ! Я пришла тебѣ сказать, что намъ слѣдуетъ поѣхать сегодня въ городъ. Придется изтрatить не мало денегъ... Угадай, на чтѣ? Мы купимъ полотна, выберемъ разныхъ матерій и всего, всего! Ступай, одѣнься; я прикажу заложить фаэтонъ.

Молодая дѣвушка улыбнулась и побѣжала переодѣваться. На террасѣ посыльный подаль ей букетъ бѣлыхъ розъ отъ Федора Игнатьича. Она вся вспыхнула и въ спальнѣ стала цѣловать душистый букетъ, прыгая и радуясь, какъ маленькая дѣвочка.

VII.

Фаэтонъ, нагруженный покупками, въ гладкихъ плоскихъ картонкахъ, которыя обѣими руками придерживала Варвара Тихоновна, взбирался въ два часа дня по крутому спуску. Раиса